

Собака Пёс

Даниэль Пеннак

• лучшая новая книжка •

Даниэль Пеннак

Собака Пёс

• издательский дом самовар •

ЛУЧШАЯ
НОВАЯ
КНИЖКА

DANIEL PENNAC

C a b o t - C a b o c h e

NATHAN

ДАНИЭЛЬ ПЕННАК

С о б а к а П ё с

*Перевод с французского
Н. Шаховской*

9 - е издание

Москва

Самокат

УДК 821.133.1-3-93

ББК 84(4Фра)-4

П25

Серия «Лучшая новая книжка»

Оформление и иллюстрации Т. Кормер

Пеннак, Даниэль.

П 25 Собака Пёс : [для среднего школьного возраста] / Даниэль Пеннак ; пер. с фр. Н. Шаховской ; ил. Т. Кормер. — 9-е изд. — М. : Самокат, 2020. — 176 с. : ил. — (Лучшая новая книжка). — Доп. тит. л. фр. — ISBN 978-5-00167-127-5.

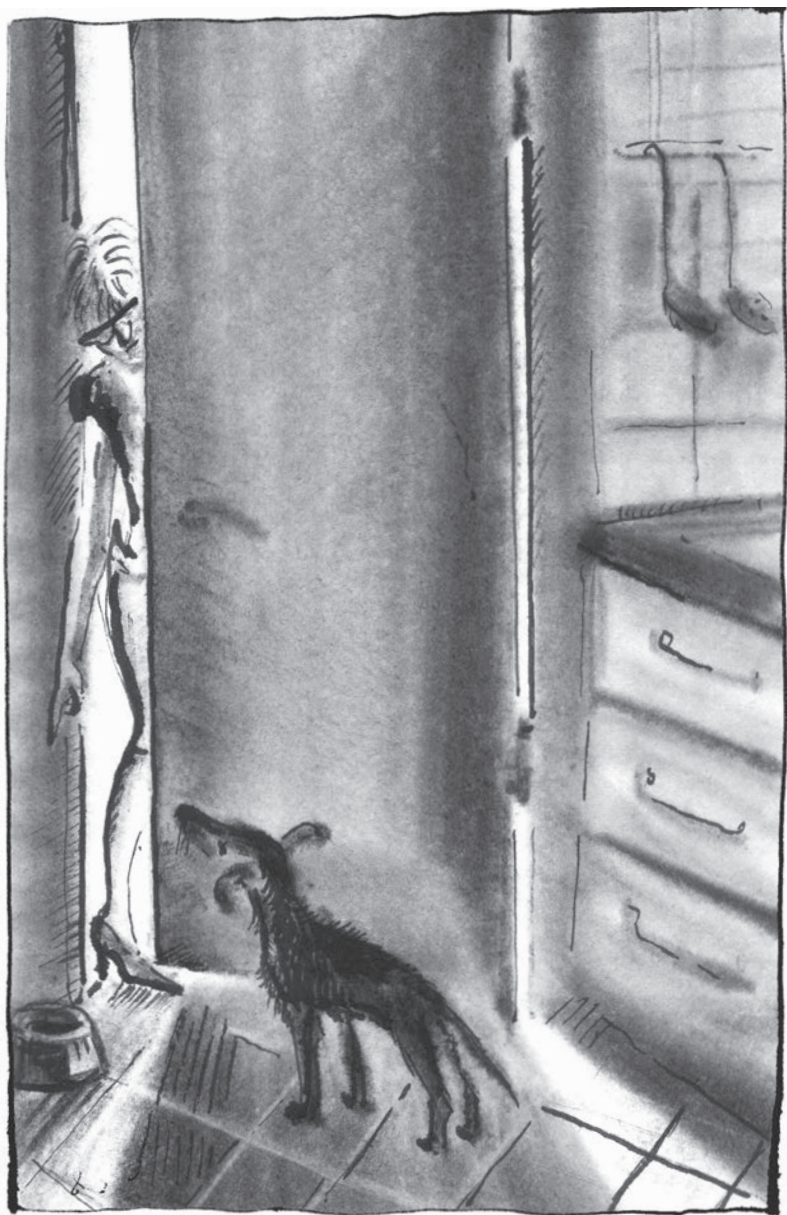
Маленькому бездомному псу, герою этой книги, придется очень и очень нелегко, прежде чем он осуществит заветную мечту каждой собаки: воспитает себе друга. Об этом трогательная и смешная история, рассказанная известным французским писателем Даниэлем Пеннаком, при всей своей фантастичности очень, в сущности, правдивая.

copyright 1982 by Éditions Nathan - Paris,
France, pour la première édition,
copyright 2002, by Éditions Nathan / VUEF -
Paris, France, pour la présente édition
Édition originale : Cabot-Caboche
© Шаховская Н.Д., перевод, 2003
© Кормер Т.В., иллюстрации, 2010
© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-00167-127-5

ООО «Издательский дом «Самокат», 2020

*Посвящается:
Пеку, Кану, Луку, Диане,
Фанту, Сюзи, Бенжамену, Ублю,
Малышу, Альбе, Свану, Биби, Боло,
Джулиусу, Блэки, J.V., Уапи,
Ксанго, а также всем собакам,
оказавшим мне честь
своей дружбой.*

ГЛАВА I

— **Ч**тоб какая-то бродячая собака мне тут еще привередничала!

Это верещит Перечница. У нее ужасно пронзительный голос. Ее слова рикошетом отскакивают от стен, от потолка, от пола кухни. Вперемешку со звоном посуды. Слишком шумно. Пес не вникает. Он только прижимает уши и ждет, когда это кончится. Да что там, он и не такое слышал! Что его обзывают бродячей собакой — это его не особо волнует. Да, он был бродячей собакой, ну и что? Он этого никогда не стыдился. Так уж оно есть. Но до чего все-таки пронзительный у Перечницы голос! И сколько же можно тараторить! Если б достоинство не требовало стоять на всех четырех лапах, Пес зажал бы передними уши. Но ему всегда претило подражать людям.

— Ну, будешь ты есть или нет?

Нет, не будет. Он стоит перед миской, весь сжавшись, — сущий меховой комок, глухой и немой.

— Прекрасно, дело твое, о'кей, ладно, как хочешь, но учти, — вякает Перечница, — ничего другого не получишь, пока это не съешь.

В этот самый миг дверь отворяется, и прямо перед Псом, в двух сантиметрах от его носа, возникают огромные ботинки Потного.

— Что тут за ор?

А вот это совсем другой голос. Он с рокотом вырывается из огромного тела Потного, и слова катятся по кухне, как камни лавины или, вернее, — поскольку лавин Пес никогда не видал — как старые пружинные матрацы, сломанные телевизоры и холодильники по откосу Вильневской свалки под Ниццей. Очень тяжелое для Пса воспоминание. Об этом еще будет речь.

— Да Пес этот! Не желает есть похлебку.

— Ну и нечего подымать такой гвалт. Запри его в кухне, и все. Съест, куда денется!

Огромные ноги поворачиваются, и Потный скрывается, ворча:

— Достал меня этот цуцик...

«Цуцик» — это то же, что и «собака». Есть еще целая куча всяких слов, и тоже не слишком лестных: «ублюдок», «кабысдох», «зараза» и прочие. Пес их все знает, он давно уже не обращает на них внимания.

— Понял? В кухне будешь сидеть! Всю ночь! Пока все не съешь!

Вот уж напугала! Как будто Псу когда-нибудь разрешалось спать не в кухне! Как будто ему хоть раз позволили ночевать на ковре в гостиной, теплом и курчавом, как баран, или на кресле в прихожей с его давним-предавним коровьим запахом, или на кровати Пом...

Ледяной кафель кухни ему хорошо знаком, спасибо большое. Ничего нового. Цок-цук, цук-цок,

Перечница выходит на своих каблуках (таких же острых, как ее голос), и хлоп! Дверь закрывается. И тишина. Долгая тишина ночи.

ГЛАВА II

Не то чтобы ему не хотелось есть. Нет. Не то чтобы похлебка была плохая. Тоже нет. Похлебка как похлебка. (Даже, если хорошенько принюхаться, слегка отдает мясом — едва-едва заметно, но все-таки.)

Нет, он не ест потому, что на него нашло. А нашло на него потому, что на Пом нашло.

А когда на Пом находит, она отказывается есть. Тогда он тоже не ест. Всякий раз. Солидарность. Перечница и Потный так и не уловили связи. Никакого воображения.

Так вот, сегодня за ужином Пом уткнула подбородок в кулачки. Пес тут же почувствовал, что надвигается гроза. Сквозь стиснутые зубы девочка только отрывисто, односложно роняла:

— Нет. Не хочу. Не буду. Ну и что.

Это в ответ на расспросы Перечницы, приказы Потного, угрозы обоих. Кончилось тем, что Пом пошла спать, не проглотив ни крошки и не сказав «спокойной ночи». Только Псу — быстрый взгляд (взгляд, какой бывает только у нее и только для него), чтоб дать ему понять, что он тут ни при чем.

«Что-то носится в воздухе», — думает Пес. Он вытянул из кухонного чуланчика сухую половую тряпку и улегся на нее, потому что кафель все-таки холодноват. Теперь, уткнув морду в лапы и наморщив лоб, он пытается собраться с мыслями наедине с остывшей похлебкой. «Да, последнее время что-то носится в воздухе в этом доме».

Он не мог бы сказать, что, собственно, происходит, но что-то готовится. Вот уже два или три дня Потный и Перечница поглядывают на него как-то искоса. И всякий раз понижают голос, когда появляется Пом. Разумеется, Пом в конце концов это заметила. И в свой черед принялась подозрительно поглядывать на родителей. Родители тут же стали избегать дочкиного взгляда, запинаться, переводить разговор на что попало (в точности как Пом, когда уверяет учителя, что потеряла дневник или забыла дома тетрадку). Странно ведь, правда? И вот уже второй день Пом отказывается есть. Вот так обстоят дела. «Что же такое происходит?» — думает Пес. Кое-что всегда настораживало его в людях: они *непредсказуемы*. Не то что собаки (хвост поджат или шерсть дыбом — тут все сразу понятно, и гадать не надо) или, например, кошки (будь они хоть какие сиамские, можно более или менее точно догадаться, когда они пустят в ход когти), а тем более Погода (уж Погода — та никогда не заставляла Пса врасплох! Все эти перемены запахов, сигналы

насекомых, полет птиц... нет, Погода как раз никогда не обманет). А вот люди...

«Люди...» — повторяет Пес про себя. Но он уже не помнит, о чем сейчас думал. Мысли его теряют ясность. Слова как будто окутываются ватой. Глаза слипаются. «Ладно, — думает он, — спать». Пытается еще открыть глаза, но его лапы уже бегут вдогонку снам. «Ладно», — вздыхает он. И засыпает.

ГЛАВА III

Как и всякая собака в своих снах, Пес во сне заново переживает лучшие минуты своей жизни. И не лучшие тоже. Собственно, всю жизнь. Только вперемешку. Например, погоню за чайками на берегу моря в Ницце.

Потный, валяясь на пляже, глупо гоготал:

— Ты только погляди на этого олуха, ну куда ему поймать чайку, а ведь так и будет весь век за ними гоняться!

Все верно. Одно только Потному было невдомек: Пес прекрасно знал, что никакой чайки он никогда не поймает. А чайки знали, что он для них не представляет никакой опасности. Однако Пес продолжал гоняться за ними вдоль полосы прибоя, а они улетали у него из-под носа с пронзительным криком. Брызгами разлеталась пена, искрась на

солнце, не говоря уж о белых вспышках крыльев в синеве неба. Это было красиво. Это была игра. Пес пользовался всякой возможностью поиграть, потому что до этого жизнь его была не слишком-то веселой.

И если сейчас в кухне он скулит во сне, если из его пасти вырываются всхлипы, если он дрожит всем телом, это, может быть, потому, что он вновь переживает свой собачий дебют, самые первые впечатления детства. И они вовсе не из радостных.

В помете их было пятеро. Три брата, сестра и он. Только они родились, как человеческий голос очень явственно произнес (голос шел, казалось, с неба и обрушивался, словно гром, в картонный ящик, служивший им домом):

— Ну-ка, ну-ка: трижды ноль — ноль; трижды пять — пятнадцать, пять пишем, один в уме, трижды один — три, и один — четыре — это будет четыреста пятьдесят; плюс сто франков за сучку — пятьсот пятьдесят! Минимум пятьсот пятьдесят за всех.

И добавил:

— А этот уж больно страшон, никто на него не польстится, лучше сразу утопить.

Он почувствовал, как огромная рука схватила его, подняла на головокружительную высоту и погрузила в ведро с очень холодной водой. А он барахтался, скулил, визжал и захлебывался точно так, как сейчас барахтается, визжит, скулит и захлебывается во сне.

ГЛАВА IV

А что было дальше? Обморок? Неизвестно. Следом вспоминается только вот что: ласка утреннего солнца, ошеломляющее количество запахов, круговерть чаек в небе и чья-то черная морда рядом, с ворчаньем роющаяся в консервных банках, автомобильных покрывках, драных матрацах, стоптанных башмаках – словом, в отбросах.

— А! Наконец-то, открыл все-таки глаза, — сказала Черная Морда, склоняясь над ним. — Ну-ну, давно пора! Не больно-то ты красив, но живуч, ничего

не скажешь! Это, знаешь ли, редкий случай, чтоб утопленный щенок выжил.

Она с чувством прошла по нему языком и продолжала:

— Ну что! Открыл глаза — так пользуйся, гляди в оба и учись быстрее. Не век же мне тебя кормить, я уже старая, я устала, сколько десятков выкормила до тебя, я вам кто, в конце концов? Мне это надо? Нет, в самом деле!

После чего, однако, он был снова хорошенько вылизан и получил глоток молока — из обвисших, тощих сосцов, но молока крепкого и сытного, с явственным ореховым привкусом, которого он никогда не забудет. Никогда.

Что касается быстроты обучения, то уж он-то учился быстро! Надо сказать, Вильневская свалка под Ниццей была хорошей школой. Кто-то собрал там вместе все искушения, все радости и все опасности собачьей жизни.

Во-первых, запахи. Невероятное количество запахов! Они стлались вокруг Пса, парили у него над головой, петляли, перемешивались... Прямо голова кругом! Он следовал за каким-нибудь одним запахом (например, ветчинной шкурки) сперва прилежно («Соображай, — ворчала Черная Морда, — сосредоточься»), не отрывая нос от земли, а потом вдруг, сам не зная, почему и каким образом, оказывался на другом следу (крепчайший дух камбалы, закончившей свою рыбью жизнь в похлебке).

Сбитый с толку, он садился, тяжело плюхаясь на попку, как все щенки.

— Ну ты что, спишь на ходу?

Он скорее принимался снова за дело, шел напрямиком к цели, но теперь уже на третий запах. Тогда он совсем терял голову, возвращался назад, кружил на месте, срывался на бег, останавливался как вкопанный, шел дальше зигзагами, как пьяный, и вдруг засыпал, совершенно обессилив. И просыпался оттого, что Черная Морда усердно зализывала его раны.

— Ты только погляди на себя! Ободрал нос о консервную банку, порезался разбитой бутылкой. Под ноги, что ли, не можешь смотреть?

Мало-помалу он научился распутывать клубок запахов и даже стал неплохим мастером в этом деле. Почему бы не сказать сразу? Он стал *лучшим* мастером из всех собак свалки. Даже старейшие из них обращались к нему за советом:

— Слушай, я тут шел на запах говяжьей кости, знаешь, мозговая такая, бульонка, и вот сбился; не подскажешь, куда...

— Вон там, за колесом от трактора, рядом с пишущей машинкой, — отвечал Пес, даже не дослушав вопроса.

Но были у свалки и свои опасности. Не считая всего колющего, режущего, обжигающего, более или менее ядовитого, были еще крысы, кошки (эти,

к счастью, дрались в основном между собой) и другие собаки.

Вообще, всякий запах принадлежал тому, кто первым его унюхал. Тут ошибки быть не могло. Если на какой-то запах уже идет другая собака, значит, это ее добыча и надо искать новый след. Таково было правило. Но чтоб напасть на хороший след, на что-то стоящее (вроде, например, бараньей лопатки), надо вставать спозаранку, встречать мусоровозы и тут же приниматься за работу. Вот только всюду есть лентяи, которые терпеть не могут рано вставать и предпочитают, чтоб работали другие, а сами норовят явиться на готовое, ошестинясь, оскалив зубы и грозно сверкая глазами. Раз или два с ним пробовали проделать такую штуку, но Черная Морда это пресекла. Ее все уважали, Черную Морду. И боялись. Надо было видеть, как сникал перед ней вор, как убирался восвояси, поджав хвост.

— Нет, в самом деле!

Однако силы у нее были уже не те. Она состарилась. Но репутация что-нибудь да значит, а она у Черной Морды была.

Увы! Хватало и других опасностей. Самым опасным моментом как раз и была разгрузка мусоровозов. Самым прекрасным и самым страшным. Это был до того опасный момент, что многие собаки отказывались присутствовать при обвале.

— Ничего не поделаешь, — говорила, однако, Черная Морда, — если хочешь ухватить лучшие куски, надо караулить там, под отвалом, и хорошенько смотреть, что к тебе катится.

Ох, как же это все катилось! И с какой высоты рушилось!

— Если стоять наверху, ничего не углядишь; надо смотреть снизу, чтоб все это успело рассыпаться. И берегись крупногабаритных предметов!

— Кого?

— Всего тяжелого, железного, деревянного, что может тебя пришибить. От таких штук надо уворачиваться, отскакивать вправо, влево, но при этом глядеть в оба, чтоб не пропустить отходы из мясных лавок, они падают пакетами.

И учила его прыгать. Она все еще была необычайно ловкой.

— В жизни сила ничего не значит. Главное — увертливость!

— А это что?

— Увертливость! Искусство уворачиваться от удара! Осторожно, матрац!

Матрац рушился прямо позади них, скрежеща пружинами. Честное слово, в иное утро казалось, что весь город валится вам на голову! Как будто мусоровозы были домами, и эти дома опустошались подчистую! Кровати, шкафы, кресла, телевизоры, которые взрывались, ударяясь о землю, форменное извержение вулкана!

Сколько ни остерегайся, никто не застрахован от несчастного случая. Сколько бы ни везло, никто не застрахован от беды. (И наоборот, к счастью.)

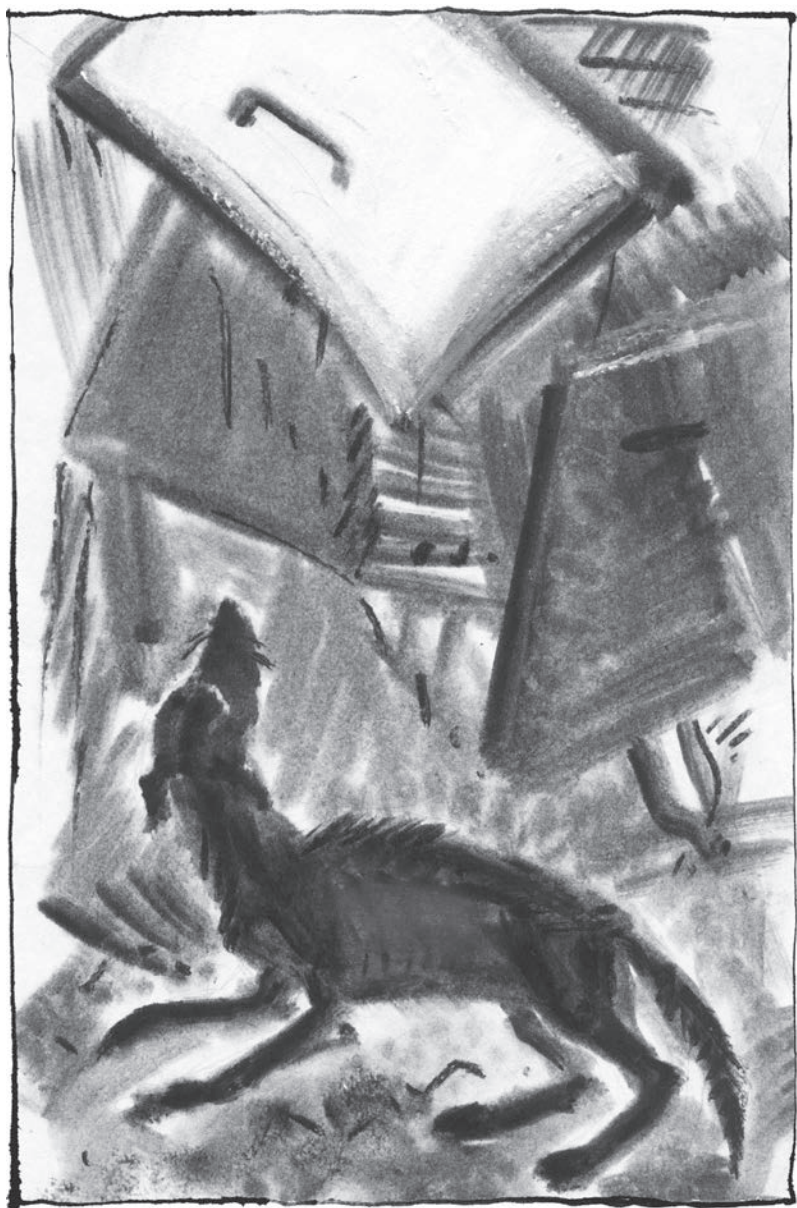
Это случилось одним ясным летним утром. Всю ночь дул мистраль. Небо было чистое, как хорошо вылизанное блюдо. Пес и Черная Морда встали спозаранку, вместе с солнцем, в прекрасном настроении. Они любили лето. Во-первых, потому что любили тепло. А во-вторых, потому что лето на Лазурном Берегу — туристический сезон, и обитатели свалки никогда так хорошо не питались, как в это время. Из-за ресторанов.

И вот они сидят оба, Пес и Черная Морда, под откосом свалки. И терпеливо ждут. Вот вдали заурчали моторы. Потом туча пыли — там, за придорожными платанами. Потом мусоровозы. Потом извержение вулкана. И обвал.

Как же это произошло? Очень быстро. Несчастный случай. Невезение. Они от всего увернулись. Они засекли все богатые участки. И все-таки это произошло. Оно вылетело из последнего мусоровоза. Оно было огромное и белое. И железное. Оно подскочило на какой-то кочке и тяжело перекувырнулось в воздухе.

— Берегись, холодильник! — предупредила Черная Морда.

И, когда Пес, смеясь, отскочил в сторону, прыгнула вперед, чтоб холодильник упал позади нее.

Что он и сделал. К несчастью, у него была дверь, и эта дверь на лету отвалилась. А Черная Морда ее не видела за громадой холодильника. Эта дверь ее и убила. Когда Пес увидел, что Черная Морда лежит неподвижно, он принял это за игру. Он принялся скакать вокруг, твякая и виляя задом.

— Перестань валять дурака, — прошептала Черная Морда, — не тот случай.

Он замер на месте и впервые в жизни почувствовал, как вдоль хребта пробежал ледяной сквозняк: Настоящий Страх. Все-таки у него хватило сил подойти к ней. Черная Морда уже не могла говорить, только шептать.

— Пойдешь в город, — сказала она, — берегись машин. Увертливость, маленький мой, уверт...

ГЛАВА V

«Нельзя оставаться там, где обрушилась беда», — думал Пес. Надо уходить. Но в то же самое время он говорил себе: «Никогда больше я не буду так счастлив, как здесь».

Все остальные собрались вокруг. Они не мешали ему плакать, ничего не говорили. Главное, они были рядом. Мусоровозы уехали, и тишину нарушали только рыдания Пса. Протяжно, жалобно просвистел проходящий над свалкой поезд. «Почему она сказала про город?» — в слезах недоумевал Пес.